

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ЯКОВА ПОЛОНСКОГО

Яков Петрович Полонский — один из замечательных поэтов-лириков прошлого века. Первое его стихотворение появилось в печати еще при жизни М. Ю. Лермонтова, закончил же он свой жизненный и творческий путь в 1898 году, когда работал уже над своими первыми произведениями молодой А. А. Блок. Немало важных событий и перемен произошло за это время в русской литературе и в жизни страны. Многие из них оставили глубокий след в творчестве поэта.

Поэзия Я. Полонского — это своеобразный лирический дневник. Она не заключается ни в какие тематические или жанровые циклы, отдельные произведения следуют одно за другим, развертываясь в свободное лирическое повествование «о времени и о себе». Недаром в поэтических декларациях Я. Полонского поэт сравнивается то с «нервом великого народа», то с барометром, чутко реагирующим на все изменения общественного климата. Тонкое изображение духовного мира современника, малейших движений души человеческой органически сочетается в поэзии Я. Полонского с тревогами за судьбы людей, за будущее народа. Эти «гражданственные тревоги» не были безответными, даже часто выливались в стихи «по поводу» («И. Аксакову», «Узница», «На улицах Парижа» и т. д.). Но, чувствуя себя в плену у современности, Я. Полонский не находил социальной опоры своим в общем-то гуманным и демократическим взглядам. Он решительно отказался служить своим пером господствующему классу, но не смог с такой же решительностью стать на позиции революционеро-демократов, единственно последовательных в то время выразителей дум и чаяний народных. Идея крестьянской революции оказалась неприемлемой для Я. Полонского.

Вот такое сочетание яркой поэтической индивидуальности и «неясности мировоззрения» (Щедрин) наложило

своеобразную печать на всю поэзию Я. Полонского. О♦

видна и в тех стихотворениях, которые предлагаются читателям «Ставрополья».

Стихотворение «Из послания к 3.», датированное в рукописи 1859 годом, обращено, очевидно, к И. Ф. Золотареву, другу и сослуживцу поэта по канцелярии наместника кавказского в Тифлисе, где Я. Полонский служил помощником редактора официальной газеты «Закавказский вестник» в 1846-1851 годах.

С А. Г. Рубенштейном, великим русским пианистом и композитором, Я. Полонский в течение многих лет находился в дружеских отношениях. На слова Я. Полонского Рубинштейн написал кантату «Утро», романсы «Священный благовест торжественно звучит», «Мое сердце родник» и др. Стихотворения публикуются по автографам, подлинники которых находятся: «Ты моя раба, к несчастью» — в рукописном отделе публичной библиотеки имени в. И. Ленина, фонд А. С. Абрамовой, карт. I, ед. хр. 35, л. 16. Остальные в архиве Я. П. Полонского в рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) под шифрами:

«Прочь, душная тоска» — 11094/XIV б. 33, л. 63.

«Чем больше я живу» — 11004/LXIV б. 33, л. 91.

«Заметка» — 11092/LXIV б. 31, л. 14.

«Из послания к 3.» — 11073/LXIV б. 13, л. 8.

«А, Рубинштейну» — 13638/XXIII б. 13.

«Погоди гордиться» — 11086/LXIV б. 25, л. 53.

«Мы не соперники, Майков...» — 11004/LXIV б. 33, л. 59.

Прочь, душная тоска — унынье — дух бессилья.

Пусть голова горит и пусть болит в груди —

Окровавленные, израненные крылья

Еще несут меня — и много впереди —

Там красоты; там братство — там свобода —

Там все, чем ты всю жизнь дышал и пламенел —

Стараясь прозреть для своего народа —

Иную жизнь, иной удел.

♦
Чем больше я живу, чем дальше в жизнь иду, —

Чем больше ратую за правду и свободу,

Чем больше от людей такой же правды жду.

Чем больше их люблю (как некогда природу),

Тем жизнь моя, увь! — становится бедней

Сочувствием, тем жизнь моя пустынной,

Враги растут — и прежних нет друзей.

ЗАМЕТКА

Дух отрицанья борется с сомньем,

Он победит, но не создаст певца —

Нельзя же разрушать, и в то же время пеньем

Больные врачевать сердца.

ИЗ ПОСЛАНИЯ К 3.

Всякий человек такая тварь господня,

Что настоящим жить не может он никак.

Казалось бы, к чему мне вспоминать сегодня,

Как я по узеньким тропинкам

Салалак
Бродил среди плетней колючих
и повитых
Зеленой сетью лоз, густых и
плодовитых;
И заходил к тебе с усталостью в
лице,
Чтоб побеседовать с тобою на
крыльце,
За чайным столиком, за русским
самоваром
О Дерпте, о Москве, о том, что
мы не даром

спим, едим,
Читаем каждый день газеты
— письма пишем,
Исправно служим и хандрим,
О Петербурге слышим
И воздухом грузинским дышим.

◆

Ты моя раба, к несчастью!
Если я одною властью,
Словно милость, дам тебе,
Дам тебе, моей рабе,
Золотой свободы крылья,
Ты невольно проклянешь
И, как дикая орлица
Улетишь и пропадешь...
Если я, как брат, ликуя,
И любя и соревнуя,
Людам правды и добра,
Дам тебе, моя сестрица,
Золотой свободы крылья,
Ты за все меня простишь
И, быть может, как голубка,
Далеко не улетишь?

А. РУБИНШТЕЙНУ

Привет тебе — привет,
Наш брат, наш друг, наш
светлый гений!
От молодых и старых поколений
за много лет
Святых и чистых упоений —
Привет — привет! —
Пусть Русь звала тебя своим;
Но разве мог ты быть чужим
Кому-нибудь в подлунном
мире?
Так яркая звезда в эфире
Блестит для всех, и соловей,
Где б он ни пел в саду, — ничей.
Весь божий свет дивился чуду
Твоей божественной игры,
Из царства музыки повсюду
Ты разносил ее дары
В мир, полный прозы,
Войны и торга

И суетливой простоты,
Бросал ты перлы красоты
И нам дарил часы восторга;
Привет тебе — привет.

I.

Погоди гордиться красотой
холодной,
Добротою детской, чистотою
строгой,
И моей любовью, глупой и
бесплодной,
Горечью богатой, счастьем
убогой.
Ты скупа на чувства, ты свое
участье
Бережешь для мужа с золотым
карманом,
Бедняка толкая, чтоб иное
счастье
Попытал он — злато добывать
обманом.
Погоди! Что значат падшие
сердцами
Я пойму и встану с
просветленным взором,
И, быть может, стих мой,
облитый слезами
Пред тобой великим загремит
укором.

II.

В эту ночь неожиданно мне во
сне приснилась
Ты, которой образ от меня
далеко,
Но не ты головкой к сердцу
прислонилась
И пролепетала: что вздохнул
глубоко?
Я вздохнул и думал, мучимый
сомненьем,
Кто из двух красавиц праведней
под солнцем:
Та, чья нежность будет куплена
именьем,
Или та, чья ласка вызвана
червонцем?

◆

Мы не соперники, Майков, —
Не соперники, нет —
Ты мне сосед старый,
Майков,
Я твой старый сосед —
Наша землячка-то, Майков,
Не межа ли с межой,
Все ты с косою ходишь, Майков,
А я с бороной —
О былом распеваешь ты,
Майков,
Гой еси, Гой еси! —
Я пою современникам,
Майков,

Боже нас упаси!
Из цветов, что накопишь ты,
Майков,
Будет славный стог —
У меня что вырастет, Майков,
Знает разве бог!